

ЖИТИЕ БЛ. РОБЕРТА САЛЛЕЗИЙСКОГО

Аноним XIV в.

*Пер. с лат. Robertus Salentinus, S. Petri Cælestini discipulus, prope Sul. monem in Aprutio,
Vita ex codice Ms. RR. PP. Cælestinorum Parisiis. AASS, Julii T. IV, pp. 495-507*

В переводе Константина Чарухина

ПРОЛОГ

[1] Бог, в премудрости Своей предопределив всё прежде сложения мироустройства, в своё время воззвал к бытию человека, достойнейшее из существ, ради которого распорядился образовать остальных, а его сделал богоподобным и предал всё в его распоряжение, причём и жизнь ему даровал, и наставил, как избежать смерти. Завидуя его счастью, сеятель плевелов подсоветовал ему запретное, сделав его неблагодарным за полученные благодеяния, изгнанником из отечества, причастником смерти, который, будучи согражданином ангелов, не уразумел своей чести и сравнился с животными (*ср. Вульг. Пс. 48:21*).

[2] Но вечный Художник, Который не презирает дела рук Своих и не пренебрегает ими, с состраданием склонив милосердный взор в намерении облегчить таковое несчастье, право рассудил чрез воплощение Сына искупить обман диавола, заплатив Сыновней [жертвой], дабы Бессмертный, приравнав нашу смерть, восстановил утраченную жизнь. Явив нам неоценимую любовь, Он не пощадил Сына, чтобы не погиб раб. Он истинный наследник и господин виноградника Господа Саваофа, в притче о котором Отец вечный представлен крестьянином, а Сын Его – виноградной лозой, выпускающей отпрыски, и те из них, что верны, приносят плод, когда лишние отсекаются, а бесплодные извергаются вон (*ср. Ин. 15:1-7*). И выходил возделывать этот виноградник в первый, третий и шестой (час); и от начала творения не переставал и не перестанет посылать работников (*ср. Лк. 10:2*), которые с отпрысков Его делом и словом старательно собирают гроздь радости в хранилища Господни, а за труд получают динарий вечный (*ср. Мф. 20:12-16*).

[3] Однако в сии последние дни, с приближением заката нынешней жизни, Он позвал на работу в сей [виноградник] неустанного в трудах мужа, брата Роберта из Салле, кто, влекомый любовью к Владельцу и награде, мужественно взялся за труд, успешно свершал его и продолжил до вечера, дабы умиловить Господа, наблюдающего за бранью нашей, и даровал Он награду упорному. Его добрый подвиг и достославные заслуги Бог, дивный во святых, удостоверял в веке сем сиянием чудес, возобновив знамения древние, и тем самым зажёл для сего человека светильник, поставив его не под сосудом, но на высоте Церкви воинствующей, дабы те, кто желает войти в дом Господень, могли увидеть в его свете путь направляющий (*ср. Мф. 5:15*). Итак, каждому показан в нём достойный подражания путь добродетели, которому подобает следовать, и явлены изумительные знамения чудес, которым подобает дивиться. Ибо он [стал] исцелением болящим, покоем трудящимся, пищею голодным, питьём жаждущим, очищением прокажённым, жизнью мёртвым, освобождением бесноватым, а что важнее всего того, он тех, кто из-за прегрешений своих был близок к смерти, возвращал молитвами к жизни, давая им способ и время, чтобы вновь взыскать спасения.

[4] Вот, несомненно, тот второй ангел – после блаженного Петра-исповедника, отца своего (*св. Целестин V (Пётр Морроне), пам. 19 мая*), – восходящий от востока солнца, повелевающий (*ср. Отк. 7:2*) ангелам тьмы не ставить препятствия даже несовершенным. Вот тот, кто старался восстановить чистоту, утраченную через родителей; кто с раннего детства со всей бдительностью старался, ушедши из мира, обороть внутреннего врага. Ведь, следуя по стопам своего пастыря, он в течение

пятидесяти трёх лет и более провождал жизнь нищенскую вкупе с суровейшим воздержанием, не изнемогая, но всегда продвигаясь вперёд и «простирая руку на более трудное» (*ср. Вульг. Прит. 31:19*), причём трудности, казалось, не угнетали его, а помогали. Вот тот, кого ни юность, ни молодость не совлекли на блудные дорожки, ни старческий возраст, нагрянув, не сломил крепости облакавшей его плоти, но, как ни странно слышать об этом и говорить, когда силы плоти иссякли, он, облекшись пылом духовным, неизменно стоял препоясанный и, как могучий боец, одерживал всё новые победы над врагом; кто, шествуя от силы в силу (*ср. Пс. 83:8*) (*de virtute in virtutem*), в зеркале добродетели (*virtutis*) по достоинству старался увидеть вечного Царя в красоте Его (*ср. Ис. 33:17*), что есть покой от трудов, предел желаний и наивысшая награда, и мы верим, что ныне брат Роберт споспешением милости Божией взирает на Него с совершеннейшей ясностью.

[5] Ниже в пяти главах я с равномерной последовательностью излагаю описание его жизни: начало её, ход и завершение, а также описываю чудеса, сотворенные Божественной милостью чрез него при жизни, во время смерти и после смерти. И я не без важной причины взялся за эту кропотливую и непосильную для меня работу, а потому что отнюдь не был обойдён благодеяниями его и если бы промолчал, мог заслужить бы обвинение в грехе неблагодарности.

Ибо в тот год, когда муж святейший, разрешившись из узилища плоти, преселился ко Христу, зимой, примерно в начале декабря я страдал от сильной горячки, и желудок мой постоянно выворачивало от рвоты, отчего он не мог удержать никакой пищи. Из-за эдакого недуга, который, казалось, грозил мне в ближайшее время смертным исходом, господин Адмирал послал в Теано за лекарем, а именно за магистром медицины Джованни. И тем вечером, когда врач прибыл в обитель, где я хворал, а точнее в субботу первого воскресенья Адвента, в присутствии упомянутого врача у меня случился тяжёлый приступ лихорадки, куда более страшный, чем обыкновенно. И отягчённый страданиями, я в глубоком благоговении обратился к вышеупомянутому чудесному мужу (ибо слышал о нём много достопамятного) и стал просить со слезами чтобы, коль скоро он уже пребывает в присутствии Возлюбленного своего, от Кого может снискать для меня благодать исцеления, то по свойственной ему доброте, склонной внимать страждущим, изволил вознести к Нему за меня молитву могучую, дабы либо забрал меня поскорее, либо даровал выздоровление. Со своей стороны я пообещал при ближайшей возможности посетить гробницу, отслужить мессу и поведать людям о его чудесах.

[6] И надо же! Едва dokonчив слова обета и молитв, я странным образом погрузился в сладкую дрему, а когда спокойно выспался, все присутствующие, включая лекаря, обнаружили, что я совершенно исцелился от недуга. Итак, миру сему подобает прославить в словах похвальных, возвестить в достоивных песнопениях того, кто примером добродетелей, явленных в чудесном житии своём, указывает путь к отечеству [небесному] и своим заступничеством направляет недуги наши к прощению, а в особенности его подобает величать провинции Абруццо, откуда сей святой муж ведёт происхождение и которой, явив уже множество славных примеров [своей благосклонности], он, как отец, готов послужить неборимым щитом и вымолить для её [жителей] прощение от Бога.

ГЛАВА I

[7] Согласно речению невыразимой Истины, не может дерево худое приносить плоды добрые (*ср. Мф. 7:18*), но дерево доброе приносит плоды добрые сообразные природе своей (*ср. Мф. 7:17*). Сей святейший муж родился в провинции Абруццо, в местечке под названием Салле, от отца Томмазо и матери Беневенуты, добрых католиков, которые, будучи благочестивы, и труды милосердия предпринимали, по мере возможности гостеприимно пособляя нищим, и трудами подвижническими (*virtutum*) занимались. Ибо мать, наученная духовником своим – блаженным Петром (*св. Целестином V. – прим. пер.*), – постилась трижды по сорок дней в году, а каждую неделю по средам и пятницам – только на хлебе и воде, совершая каждый день в положенное время службу Часов, а вдобавок дважды в неделю прочитывая Псалтырь. При сих и им подобных занятиях случилось так, что упомянутая женщина забеременела и с нетерпением ожидала рождения вышеназванного сына.

[8] А перед рождением его ей привиделось, что она производит на свет шарообразное дитя, охватывающее весь мир, поскольку Бог, определив поставить его добродетельную жизнь в пример всему миру, явил прообраз, достойно отображающий мир.

Итак, мальчик родился. Вследствие родительского воспитания и хороших задатков он устремился к вершине благих дел, а достигши к пятнадцатому году своей жизни возраста созревания, не пошёл на поводу у похотливости, как обычно бывает в такую пору, ибо, хотя юношеская пылкость влекла его на чужбину [греха], Всемогуший поводами добродетелей легко направлял его к [небесному] отечеству. И вот, ставши клириком и получив некоторое наставление в науках, он начал прислуживать в церкви, ежедневно по мере своего скромного разумения изучая Евангелие и книги Священного Писания, стремясь рассмотреть в зеркале священного Закона, как, презрев тленное, добраться до высшего. Начал он размышлять не только над заповедями, но и над советами евангельскими, а размышляя, исполнять их на деле.

[9] Например, некий сумасброд наткнулся в огороде на свинку сестры вышеупомянутого Роберта и, расвирепев из-за того, что она поела овощи, убил её. Сестра, увидев сие и опечалившись, принесла [тушу] к дому убийцы и бросила её перед дверями его. Подняв, он с яростью швырнул её в лицо упомянутой женщины. На что она и пожаловалась своему брату Роберту, а он, отвечая ей, ласково молвил: «Я сделаю то, что считаю справедливым».

Итак, в следующее воскресенье, когда он прислуживал в церкви, приняв от священника целование мира, первым сей миролюбец облобызал оскорбителя, следуя по стопам Истины, советовавшей врагов любить, а не ненавидеть, и тем на деле показал, что, по речению Писания, с детства милость росла вместе с ним и вышла с ним из чрева матери его (*ср. Вульг. Иов. 31:18*),.

[10] А в то самое время разнеслась повсеместно молва о воздержанной жизни, суровых подвигах, строгой нравственности и опытности во всех добродетелях блаженнейшего исповедника Петра, пребывавшего тогда на горе Орфенте, творя на земле множества знамений, весьма прославивших его ныне. Придя к нему, Роберт исповедался, получил отпущение всех прегрешений и, открыв тайны души своей,

попросил направить его путь мира (ср. Лк. 1:79), ибо намеревался им пойти. А получив от него совет в том духе, что следует вступить в любой орден, одобренный Церковью, боголюбивый муж любезно молвил в ответ: «Отче, я точно не ошибусь, если приму иночество твоего устава!» А возвратившись домой, он так строго блюл нравственность и достоинство, что все видевшие единогласно держались мнения, звучавшего как пророчество: «Воистину он будет святым!» Ему даже прозвище дали Сантуччо, что значит [молоденький] святой, и в дальнейшем именно этим прозвищем добросердечный отец блаженный Пётр всегда и кликал его.

[11] Через несколько дней, которые он провёл у матери, услышал он однажды, как она, находясь одна в комнате, с кем-то беседует. И спросил он мать уважительно: «Матушка, с кем это ты говорила?» А она ему: «С Преславною Девой, сынок, с Богородицей!»

Вняв сим и иным [знамениям], упомянутый юноша поспешил исполнить на деле то, что обещал на словах, стремясь жить вести добрую, слово молвить правдивое и славный пример подавать, ведь поскольку щедрые родители добродетелями и святыми наставлениями взращивали его, как зерно на ниве, то нужно постараться и самому принести урожай, и в других посеять.

ГЛАВА II

[12] И вот, проведя дома несколько лет, он яснее ясного увидел, что борения для него становятся всё жёстче, да и внутренний враг, не меньше, чем внешний, грозит ему в любой миг гибелью, и, наученный спасительными наставлениями, здраво рассудил, что пора простереть руку на более трудное.

Итак, [отказавшись от] себя, распродав или оставив всё, чем обладал в миру, он купил меч (ср. Лк. 22:36) духа, коим облёк недра ума, дабы, обнажившись плотью, бороться с нагим (т.е. с диаволом; см. Григорий Двоеслов, Беседы на Евангелия, XXXII,2: «...Злые духи ничего собственного не имеют в этом мире. Следовательно, нагие должны бороться с нагими. Ибо если кто одетый борется с нагим, то скоро повергается на землю, потому что имеет то, за что может быть удержан»). И благоразумно решил он смирить надмение плоти самообладанием, отвергнуть похоть мира с его пороками и тщеславием ума, покорив себя служению Творцу праведным послушанием. Ибо он пришёл к мужу, наидостойнейшему всяческого почитания, блаженному Петру-исповеднику, чтобы, отвергнувшись себя, принять облачение его ордена и тем снискать благоволение Божие.

[13] Приняв же его, упомянутый ученик, следуя по стопам учителя, установил для себя образ и порядок жизни, взяв за образец жизнь упомянутого выше блаженнейшего отца, что была суровее некуда. И (хотя странно слышать о таких суровостях) установил он себе до конца жизни такую скудную меру в пище и питии, не давая себе ни малейшего попущения ни в здравии, ни в немощи, каковой я не нашёл в житиях ни одного из [святых,] признанных Церковью [за всю её историю] от самого начала и почти до сего дня. Ибо он назначал себе на день только один хлебец небольшого размера, вес которого едва достигал восьми унций, и глоток воды в

малой мере, которой постановил довольствоваться. А меру сию он не по собственной прихоти себе отмерил, но получил её в откровении от Христа.

Ибо почти в самом начале своего подвижничества однажды вечером во время молитвы он (отнюдь не во сне) увидел самого Спасителя всех, возлежавшего за столом с учениками Своими, и подал Он каждому из них по куску хлеба указанной меры, а питья после еды – в том количестве, которое Роберт [потом] себе назначил. Увидев сие, святой муж по зрелом размышлении сказал, что такова будет мера, сообразная природной необходимости. И чудо! Постился ли он в уединении или угощался с другими, всегда держался буквы и духа вышесказанного [правила], ибо, хотя иногда, угощаясь с братьями своими, он вкушал от многих блюд, однако не позволял себе превысить вышеупомянутой меры.

[14] Итак, подготовившись, святой муж начал «предходить пред лицом Господа» (ср. Лк. 1:76), стремясь обрести нрав твёрдый, дух любящий, скоропослушливость, исполнительность, молчаливость неколебимое, молитвенное трезвение. Когда же блаженный Пётр, наставник его, узнал о таковых его качествах, пожелал святой муж включить его в число приближённых своих. Продержав его при себе пять лет и, будучи в итоге избран на вершину папского достоинства, он с ним же договорился о попытке бегства (*чтобы не принимать папской должности. – прим. пер.*), но к нему приставили стражу, и путь к бегству был отрезан. Наконец, согласившись [вступить в полномочия Понтифика], но не добровольно, а почти нехотя, он спросил упомянутого брата Роберта, не последует ли он за ним на оное великое служение.

[15] И упрашивал его благоговейный муж с великим настоянием стать преемником и наследником келии его и жития. Итак, он, как сын, пребывал в келии отца своего, по-ученически блюдя послушание учителю, проводя время в постах и молитвах согласно наставлениям святейшего отца, до тех пор, пока святой муж оный блаженный Пётр, не отказался от своей должности и не преставился ко Христу.

[16] Наконец, покинув темницу плоти, он явился в келейке брату Роберту, словно бы погружённому в исступление при молитве. Облачённый в белоснежную ризу бессмертия и добродетели, он с безмятежным ликом обнял и облобызал брата Роберта, который обратился к нему с таким вопросом: «Отче, неужто Верховному Понтифику угодно было отпустить вас подобру-поздорову?» Тот же в ответ безмятежно и ласково сказал: «Так царь приказал». А брат Роберт: «Отче, куда вы собираетесь пойти?» На что он ему: «Подобаает мне, сыне дражайший, взобраться на высокую гору, ибо так угодно царю». А брат Роберт: «Если вам угодно, я последую за вами, преподобнейший отче». На что он: «Не сейчас, но после того, как стяжаешь больших заслуг». А брат Роберт: «И где вам угодно, чтобы я подвизался?» На что святой муж: «Оставайся на месте, пребывай в одиночестве и покойся в мире». Услышав это, Роберт тотчас же пробудился и увидел сквозь крышу своей келии, как сей святейший отец восходит на небо. А на четвёртый день после того узнал, что упомянутый отец отдал долг природе. Таковы были те события, после коих он начал восходить, продвигаясь ко всё большим [подвигам].

ГЛАВА III

[17] У досточтимого мужа в обычае было никогда не отдыхать от благого дела. Напротив, по лестнице добродетелей он иногда восходил к Богу посредством созерцания, а иногда нисходил к ближнему в поступках сострадания и милости. А чтобы это стало понятнее, в кратком слове очертим его образ жизни.

Когда его поселили в монастыре св. Георгия в Роккамориче, где он сначала затворился в отведённой для него келлии, где внимал Богу в течении двенадцати лет, никогда не выходя, и только поневоле вынужден был раз в три года посещать генеральный капитул. И пребывая в том [затворе], он тайно надевал на [нагую] плоть власяницу, узловато сотканную и щетинистую, а постелью ему служила голая земля, так что, если порой наваливалась сонливость, томя его измождённое тельце, он, избегая плотского утешения, мучил кости свои просто на голой земле или, того хуже, на доске с деревянной подушкой.

[18] Он постился во всякое время по понедельникам, средам и пятницам, а также по субботам на одном хлебе и воде, соблюдая меру, описанную выше. Постился шесть четырёхдесятниц в году, три – на одном хлебе и воде, ужасно себя ограничивая. Ибо полностью воздерживался от разговоров с братией и мирянами; мало того, он сказал своему келейнику в начале Великого поста: «Возьми один кувшин воды (который вмещал двадцать упомянутых выше порций), а через двадцать дней принесёшь другой», и всё время в этом промежутке не обмолвился с ним ни словом. В другие же четырёхдесятницы он вкушал только одну трапезу в малом размере, поэтому всякий раз пост у него был как количественный, так и качественный. Вино он употреблял только между постами (*aliis tantum temporibus*), но понемножку и так разбавлял его, что оно теряло вкус вина.

[19] Он определил для себя количество коленопреклонений такое, что в течение суток непременно пятьсот раз почтить Самого Господа. В любую пору он вставал в полночь, чтобы прочитать Часы Господу, а по завершении их творил, не засыпая, свои молитвы аж до первого часа дня (*т.е. ок. семи утра. – прим. пер.*), когда слушал мессу вместе с братией. Выслушав же мессу, он читал псалтырь до Часа третьего, а затем, предварительно исповедавшись, сам служил мессу с величайшим благоговением. По завершении её возобновлял псалмопение и творил сие до девятого часа, когда обычно трапезничал. После еды он иногда писал или занимался чем-нибудь достойным и полезным, чтобы не давать места диаволу (*ср. Еф. 4:27*) искушать себя, и, непрестанно предаваясь сим достойным занятиям, проводил так время до вечерни.

Отчитав же вечерню, он ежедневно до глубочайшей ночи предавался молитвам и божественным размышлениям, а затем давал отдохнуть своему изнурённому тельцу. Вот так он был обучен распределять время. И при этом семь раз в день он подвергал себя суровому бичеванию.

[20] И (как ни удивительно) всегдашним его желанием было отдать свою земную жизнь в мученичестве за Христа, только бы представился достойный случай. Но, благоразумно рассудив, что ни в краях неверных ради такого дела отправляться не подобает, ни в краях итальянских достойного случая не представится, решил он полностью приобщить члены страстям Главы и нести крест со Христом.

Ибо однажды он вышел вместе со своим сотоварищем поразмышлять и, прогуливаясь по лесу, увидел дерево, разветвившееся по образу креста. Ничего не сообщив об увиденном спутнику, он возвратился в свою келлию. А поднявшись в ночной тишине, взял топор и пошёл рубить дерево. Срубив же оное, понёс на своих плечах. А когда нёс его, встретил врага рода человеческого в виде чернущей собаки, которая бросилась на него и много досаждала собачьим своим лаем. Поняв, что [происходит], святой муж оградил себя крестным знамением, коим был ознаменован внутренне, и безобразное наваждение исчезло.

[21] И, обтесав, установил он крестообразное дерево в келлии; и, обвязав его всюду веревками так, чтобы получились петли, вдев в которые руки, можно было повиснуть, он каждый день непременно взбирался на оный крест и висел на руках столько времени, сколько требуется, чтобы десять раз произнести Отче наш. Причём Отче наш он молвил так вдумчиво и истово, и так медлил на каждом [слове], что при обычных обстоятельствах он [успел бы эту молитву] сотворить десять раз, поэтому выходило [что он проводил на кресте столько времени, сколько требуется на] сотню [Отче наш]. И, вися на нём с воздетыми руками, он изливал душу свою, словно воду, так обильно источая слёзы, что из глаз его текли не капли, а потоки слёзные. Ибо казалось, что все его члены, а не только глаза, сочились влагою. И весьма часто, после того, как он предавался глубочайшим размышлениям такого рода, на него снисходило божественное утешение и видения исполняли его такой радости, какой человеческая душа не может вместить, иначе как с помощью Божией. Прodelывал это он иногда дважды, иногда три раза в день.

[22] И поскольку на кресте он вместе со всем своим существом посвятил Отцу сил сии освящённые руки, то не было недостатка в божественных чудесах, подтверждавших их святость, ибо просияли они дивными знамениями.

Например, некий брат его ордена по имени Ангел, пребывавший с ним в вышеупомянутой обители, страдал от свища на руке. Когда врачи оказались уже совершенно бессильны, он [упросил Роберта] перекрестить рану и получил исцеление от сих святейших рук.

[23] Также и в другой раз, когда некий брат того же ордена был настолько поражен проказой, что никакое лекарство не помогало ему выздороветь или, лучше сказать, очиститься, орденский аббат выделил ему во избежание ропота остальных особую келлию и келейника для ухода за ним. Святой отец, сострадая ему, часто его навещал, омывал нарывы, выдавливал гной, отирая слизь; целовал раны и нарывы, прижимаясь устами своими к шелухе – всё из любви к Тому, Кто явился нам в презренном облике, как прокажённый. И вот, однажды почувствовав к прокажённому брату сострадание паче обычного, Роберт излил молитву к Богу о нём, своими святейшими руками запечатлев крестное знамение на ранах, и больной внезапно полностью очистился от проказы.

[24] И открылось в вышеназванное обители нечто чудесное, ибо некто, по имени Петр, облат той обители, чрезмерно тяжело болевший, завершил последний день [своей жизни] без раскаяния, исповеди и епитимии. Поскольку же он был не местный, а со стороны, то по смерти его братия решили спросить его друзей и родственников, не захотят ли они приехать, прежде чем его тело будет предано

погребению. Итак, он пролежал мёртвый на смертном одре с полуночи до обеденного часа следующего дня. Пока братия медлили, блаженный брат Роберт велел им занять свои места, а сам остался с двумя сотоварищами при покойном, творя за него покаянные псалмы и другие молитвы ко Господу. И пока они там сидели при нём, скорбя о его осуждении, он изливал о нём слёзы и горячие молитвы ко Всевышнему, а после, став над ним, сказал ему: «Пётр, сынок, не хочешь ли свершить спасительное покаяние?» А тот немедля ответил, молвив: «Хочу, отче». И мёртвый, поднявшись, сел и стал говорить (Лк. 7:15), и, полностью исповедав свои прегрешения, получил от того же отца отпущение и благословение, а после долгой беседы снова возлёг на постели и почил в мире.

[25] И хотя святой муж деятельным усердием служил Господу вместе с Марфой как в раздавании милости, так и в руководстве монастырём, однако и вместе с сидевшей у ног Господа Марией он сладостно отдыхал, посвящая определённое время размышлениям и молитве. Именно в эти мгновения он чрезвычайно часто исполнялся такой радости, что казалось, будто она будет длиться вечно. Но поскольку вокруг упомянутой обители, где пребывал святой муж, по соседству обитало много жителей, то из благоговения к нему со всех сторон стекались толпы, шум от которых причинял ему немало помех при размышлениях. Из-за этого он горячо взмолился Богу, прося явить ему Свою помощь. И вот с той поры он при молитве терял слух, так что, если бы у дверей его келлии раздавался гул трубный и звон колоколов всего мира, он вообще ничего не слышал бы. Мало того, при молитве он становился настолько невосприимчив, что ни зовом, ни прикосновением его не удавалось привести в себя – только сильным тычком, при том что вне молитвы слух у него был весьма острый. И когда он утвердился в таком телесном подвиге и постничестве, то не испытывал недостатка в божественном утешении от Того, Кто, обещая быть рядом с тем, кого терзают скорби, говорит: «С ним Я в скорби» (Пс. 90:15).

[26] Однако, выбирая из множества достойных описания [чудес], сотворённых для него Богом, расскажу-ка вот что. Однажды, когда его келейник пришёл спросить его, не требуется ли ему что-нибудь, он слышал, как Роберт долго громким голосом разговаривал с кем-то. Келейник [сначала] ожидал, удивлённо гадая, с кем это он так затянул беседу (что было не в его правилах), [а в конце концов], испросив разрешение войти и получив оное, никого [кроме Роберта в келлии] не обнаружил. Изумившись сему, он с великой настойчивостью и почтением спросил святого мужа, с кем он так долго разговаривал. На что тот ответил со спокойным и куда более весёлым, чем обычно, выражением лица молвил: «Сынок, я говорил с Иисусом Христом, Спасителем нашим и всего [человечества]». А келейник ему: «В каком месте, отче?» На что Роберт в ответ: «Да в этом самом же!»

[27] Таковы были [деяния] мужа, благодаря коим он восходил всё выше, стремясь к [небесному] отечеству; таковы были [подвиги], коими он укротил внутреннего врага, дабы вернуть чистоту, утраченную первопредками. Вот как он научился не по принуждению, а добровольно нести крест поругания, выйдя вместе со Христом за стан, ибо здесь у него был град желанный, но в ином месте (ср. Евр. 13:13-14). Таковыми знаменами Божественное милосердие прославило его жизнь и дела, дивным соделав святого Своего. Так утешался он посещениями [Божиими], готовясь

в полном доверии к Господу сказать открыто, что Христос ожидает от нас доброго подвига, дабы, воззрев на победу, даровать, наконец, обетованный венец (*ср. 1 Тим. 4:7-8*).

ГЛАВА IV

[28] Но Бог, обитающий на небесах, научающий людей на земле, начал сердце его, ходящего в простоте, побуждать к свершениям более возвышенным, [дабы не зарыл он в землю вверенный талант], а полученное в Сокровищнице Господней возвратил миру с прибытком, [чтобы] поставлен был свет, что доселе находился под спудом, на светильник Церкви, да видят желающие обитать в доме Господнем свет правды. Ибо, представив себе допрос у грозного Судии, при котором со всех будут взысканы дела благочестия, решил он, что нужно попытаться творить дела, в равной мере сочетающие телесное и духовное: принимать уклонившихся и отступивших от правды под кров иночества, кормить алчущих словом истины, потчевать жаждущих питием спасения, примерами праведности отдавать себя в выкуп за заключённых в узилище порока и, сострадая болящим, потчевать их лекарствами добродетели. Но когда он задумался, как бы такого рода замыслы привести к исполнению, ему показалось неясно, как с точки зрения здравого смысла он мог бы это исполнить на деле, поскольку он принёс обет послушания и полной нищеты. И стал благочестивец молиться, чтобы то, что было не по силам человеческой немощи, восполнила божественная благодать и милость.

[29] Итак, однажды ночью, когда, молясь и размышляя об этом, он вошёл в исступление, явился ему Господь Иисус Христос, Который сказал стоявшим рядом с Ним: «Неужели это Мой нерадивый слуга, что ежедневно с величайшим смирением приветствует Меня пятьюстами коленопреклонениями?» Увидев Его и узнав, брат Роберт с величайшим смирением пал ниц и, поклонившись Ему, ответил благоговейным голосом: «Это я». Тогда Христос ему сказал: «Взойди на гору (*ср. Чис. 27:12*), сын Мой, и Я дам тебе хлеб и вино и елей (*ср. Ос. 2:8*), и помолюсь за тебя Иисусу Христу. На что брат Роберт сказал: «Ты – Христос. Как же Ты помолишься за меня Христу?» После сих слов он пришёл в себя, исполненный великой радости, [а затем], испросив и получив разрешение от аббата своего ордена, отправился с двумя спутниками к обители св. Петра Апостола, что в Роккамонтепьяно (*«Плоская гора»*. – *прим. пер.*). И в этой обители Бог так изобильно его одарил, что не только братии, обитавшей с ним, но и всем, населявшим окрестный край, он протягивал руку помощи.

[30] Итак, начал он с той поры строить святые обители для такого рода дел, а собрав множество иноческой братии, приступил и к строительству приютов. В итоге он после этого [видения] построил четырнадцать монастырей и семь приютов, в коих мог творить дела благочестия обоих родов (*т.е. духовные и телесные*. – *прим. пер.*). И хотя при воздвижении их и при раздаче милостыни некоторые немощные давали (впрочем, мнимый) повод к возмущению, не было недостатка в божественных знамениях, содействующих и покровительствующих правому делу; не было недостатка и в божественных чудесах, ибо с того времени в житии благого мужа

почил двойственный дух Илии (*«т.е. дух чудотворения и пророчества»*. – прим. болландистов).

[31] И, пропуская ради краткости много других примеров, расскажу-ка следующее.

Когда он творил милостыню, сбегалась толпа, зная, что он будет раздавать еду, одежду и другие вещи, в коих нуждаются нищие. Услышав об этом, завернул в обитель, притворившись нищим, некий довольно бессовестный человек. Оказавшись там, он снял новую рубашку, что была на нём, и, спрятав её среди кустов в роще, пошёл в обитель. Постучался и на вопрос привратника, чего он ищет, попросил брата [пустить его к] святому мужу (а тот молился у себя в келлии). Пришедши же к человеку Божию, на вопрос, чего ему надобно, мошенник, притворившись нагим, попросил милостыни на одежду. Тогда святой муж, получив откровение от Святого Духа, молвил «нищему»: «Постой здесь, а я дам тебе, что получится» Затем, сходя к тому месту, где упомянутый человек тайно спрятал рубашку, и взяв её, подошел к воротам, у которых ждал просивший милостыню. Отворив створку, Роберт протянул просителю его же рубашку, обнаруживая тем самым обман, но не отказываясь проявить милость. Едва мужчина оделся, как, оглядев [рубашку] так и эдак, сразу понял, что это его собственная. После этого, сознавая лживость своей просьбы и то, что его выдумка раскрыта, он в стыде и страхе бросился бежать так прытко, будто за ним целая орава гналась.

[32] Также и в другой раз, когда он, рачительно занимаясь строительством церкви Св. Креста, дал строителям распоряжение покрыть церковь, один из строителей, по имени Гальтерио, сверзился с высоты вниз на камни (самые гладкие и твёрдые, какие только добывают в том краю) и от резкого удара лишился речи и даже вздохнуть никак не мог. Когда об этом сообщили святому мужу, он явился на место, обнял упавшего, приподнял его с земли и молвил: «Не бойся, сынок, ты исцелён!» Звучит это удивительно, но ещё удивительнее выглядело: ибо внезапно и без промедления тот, кто казался мёртвым, встал и спешно взялся за работу.

[33] Также и в другой раз в том же месте для постройки монастыря добывали песок из-под большой скалы, под которой образовался такой широкий подкоп, что она грозила упасть на тех, кто копал возле неё. Однако всё стояла – как обоснованно полагают, по дьявольскому ухищрения, чтобы причинить кому-то вред. Вероятно, брат Роберт получил об этом божественное откровение, ибо однажды после мессы он внезапно в большой спешке явился туда вместе с неким братом по имени Антоний и, подойдя к скале, сказал спутнику своему: «Видишь что-нибудь на камне?» Брат ответил: «Ничего». «А там, – молвил святой муж, – сидит диавол». И, окликнув работника, копавшего внизу, сказал: «Поспеши, сынок, выйди, выйди, сынок!» Когда человек вышел, Роберт осенил камень крестным знаменем, произнеся «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», камень рухнул, причём ни единое человеческое существо его не подталкивало.

[34] Также и в другой раз, когда тот же святой муж пребывал в обители Св. Марии Ламской, занимаясь подобными же благочестивыми делами, строители однажды принялись высекать железными инструментами весьма большой и длинный камень, предназначенный служить порогом упомянутой церкви. Когда он был уже частично высечен на стороне большой скалы, они, выбившись из сил, не могли закончить.

Тогда святой муж, отслужив мессу, взял посох, на который опирался по причине телесной немощи, и с одним сотоварищем приступил к работе. Дивное дело: внезапно, без какого-либо толчка, камень (словно бы, несмотря на неразумие своё, ему захотелось исполнить желание святого) ринулся навстречу человеку Божию, шедшему снизу к месту [работ] по склону горы, и со страшными подскоками покатился сверху напрямиком на святого. Увидев сие и желая избежать смертельной опасности, которой грозила катившаяся на него страшная тяжесть, блаженный муж пустился в бегство. При этом, убегая, он зацепился ногой за колючий куст и упал. Когда же камень навис уже прямо над ним, святой по милости Божией надолго остановил его в неподвижности. И стоял он сам по себе отвесно (хотя даже множество народу не смогли бы его так водрузить), пока святой муж не поднялся и не отошёл в сторону. Едва он устранился, камень без человеческой помощи продолжил своё движение.

[35] Благоговейный муж, просиявший сими и иными многими знамениями, о которых было бы слишком долго рассказывать, [славен] не только ими, но и тем, что почил на нём многовидный божественный дух пророчества, как будет показано ниже на нескольких наглядных примерах.

Например, как-то раз пребывал он с нищей братией своей в монастыре Св. Креста и сидел за трапезой, а хлеба, который у них был, не хватило им. И когда братия, безмолвно ропща, стала сетовать на голод [из-за недостачи] хлеба, боголюбец обратился к ним с благостным и весёлым выражением лица, сказав: «Устремите сердце ваше к Господу и вместе с Ним храните добровольную нищету, ибо сострадательный Бог вскоре восполнит ваши нужды». И после сказанного, едва успел он закончить слова свои, как вдруг явился некий муж, посланец Божий, несший прекраснейший свежий хлеб, и протянул каждому [по буханке, ибо их было как раз] по числу едоков.

[36] Также и в другой раз, когда сей муж собрал великое множество монашествующих, которых он воспитывал ко Господу сообразно нравам своим, воссел он на осла и поехал навестить согласно обычаю братьев, пребывавших в обители Кольоници. Хотя погода была тихая и ясная, а в небе не виднелось ни следа облаков, он сказал сопровождавшим его братьям: «Братия, нынче на наш городок обрушится буря с молниями и градом, но благословен Бог, Который пошлёт архангела Гавриила в защиту тел наших, и так мы благополучно избежим гибели». После сих слов с севера, откуда веет стужей, внезапно стали подниматься маленькие облачка, которые, постепенно разросшись, закрыли всё небо; и после этого раздались громы, засверкали молнии и хлынул многоводный ливень. Видя сие, святой муж спрыгнул с осла и сказал своей братии: «Помолимся, братия», - и, смиренно распростершись на земле, поднял руки к небу и начал благоговейно молиться. Когда ж он молился, ненастье с градом стало стремительно возвращаться тем самым путём, которым явилась. И удивительно, что, хотя упомянутый град покрыл землю повсюду, единственное место, что осталось неприкосновенным, это был небольшой участок, на котором молился благоговейный муж со своей братией. Когда всё закончилось, он молвил братии: «Идёмте с миром». И когда они прошли немного дальше, обнаружили такое количество града, что он доходил до щиколоток, как снег.

[37] Также и в другой раз, когда святой муж направился с несколькими братьями в Аквилу, где им предстояло заняться кое-какими достойными и необходимыми делами ради своего ордена, увидел он по дороге мужичонку, который пахал на воле и осле в нарушение Закона (*ср. Втор. 22:10*). Призвав его, Роберт молвил ему: «Что ты мучаешь осла, приравнивая его к волу? Ведь он при пахоте не может выполнять такой же работы!» Когда человек ответил, что его на то вынудила бедность, святой муж спросил: «Столько тебе не хватает на [покупку ещё] одного вола, чтобы можно было пахать на двоих?» Мужичонка ответил: «Одного августая». И молвил благой муж своему спутнику, который нёс деньги, пожертвованные благочестивцами как на нужды [братии], так и для помощи нищим: «Одели беднячка вдоволь». Спутник, исполняя это [повеление], молча роптал в сердце своём на то, что сделал благоговейный муж. На что святой ему: «Сынок дорогой, не сетуй, ведь деньги были пожертвованы скорее для бедняков, чем для нас. И не стоит бояться, ведь богат Бог, Который может восполнить нашу нужду; и вскоре твой кошель наполнится деньгами».

После того, как было сказано сие, они прошли немного и издалека увидели, что навстречу им едут какие-то купцы. Тогда святой муж, чтобы не отвлекаться на них, свернул с дороги, а те, проехав дальше, стали расспрашивать о брате Роберте у окрестных жителей, населявших местность, на что они ответили, сказав: «Вы должны были встретить его на дороге вместе со спутниками». Наконец они нашли двух иноков ордена майеллезцев (*иное, наряду с «моронезцами», название целестинцев – по двум горам, на которых стояли их первые обители Майелла и Мороне. – по прим. болландистов*), которые сказали: «Вон он – немного впереди идёт». Поспешно возвратившись, они нашли досточтимого мужа и, поприветствовав его с величайшим уважением и получив от него спасительную епитимию, после благочестивых бесед пожертвовали немалые деньги и на том расстались со святым. Тогда святой муж молвил брату: «Брате, познай божественную щедрость и не сокращай руки Божией (*ср. Ис. 59:1*) в делах милости!»

[38] Когда же святой муж находился в окрестностях Теано, увидел он при дороге, по которой верные ходят в паломничество к святилищу архангела Михаила на горе Гаргано, засушливую местность, в которой множество верных хворало из-за недостатка пропитания, и, положившись на помощь [свыше], распорядился построить для лечения и отдыха верных добротный приют в честь Бога, преблагословенной Матери Его и архангела Михаила; что и было сделано. А во время строительства Бог в помощь его замыслу изволил сотворить множество разнообразных чудес.

Например, однажды после молитвы, в которой человек Божий испрашивал помощи свыше, очертил он посохом место, на котором решил построить приют, и когда строители по повелению его стали копать там [яму] для закладки фундамента, тотчас нашли большой и гладкий камень, как раз пригодный послужить в качестве алтаря, а ещё покопав, нашли другой – для сооружения порога церкви, в чём воочию могут совершенно ясно убедиться все, кто будет проходить мимо.

[39] После того, как церковь была уже построена, а перед алтарём повесили стеклянные лампы, [одна из них] полная масла и зажжённая, [упала] с высоты

наземь перед лицом многих в присутствии святого муж, и не разбилась, и масло не пролилось, и свет не погас.

[40] Но поскольку приют был построен где-то на склоне горы и не имел притока воды, братия и смотритель приюта обратились к досточтимому мужу с вопросом: «Как нам, отче, быть с водой?» На что он с веселым и радостным выражением лица ответил: «Будьте смелы (*ср. Чис. 13:21*), крепко держась якорем надежды за Господа, ибо Бог силен восполнить нужду нашу».

После этого, прогуливаясь однажды с сотоварищем под пение псалмов, отдалился он от приюта на расстояние броска камнем и увидел среди зарослей терновника два камня, плотно прилегающих друг к другу. И призвав смотрителя приюта, сказал он: «Срежьте терновник и отвалите камни, ибо вот, грядёт Он с подмогой». Повеление святого было исполнено, и внезапно обнаружился готовый колодец. И повелел он выгрести оттуда землю, насыпавшуюся сверху. Но по мере того, как её выгребали и копали всё глубже, воды ни проблеска не виднелось. Сказали тогда святому мужу: «Ерунда какая-то! Зря мы трудились». Услышав это, святой муж с простёртыми к небу руками пламенно воззвал ко Всевышнему, прося Того, Кто во время оно дал через Моисея, слугу Своего, воду жаждущему народу, источить воду и из терновника. И вот случилось так, что хотя стоял июнь-месяц, когда солнце припекает сильнее и источники пересыхают, засверкала там чистейшая вода, да и в таком изобилии, что глубина от дна до поверхности составила пятнадцать локтей.

[41] Произошло также ещё кое-что, о чём стоит поведать.

Например, когда он стоял один в церкви святого Креста, исполняя службу часов, любовь к божественному так возвысила его над земным, что он воспарил к небесам и телом своим: будучи восхищен свыше самого себя и войдя в исступление, он на виду у окружающих поднялся над землёю более чем на локоть. Ученик его, увидев сие, неловко обхватил его и позвал, сказав: «Что творится, отче?!» Он тотчас же пришел в себя и сказал: «Сыне, дурно ты поступил, ибо дух возносил меня к Богу».

[42] А в другой раз человек Божий, находясь в обители Роккамонтепьяно, хранил молчание во время Великого поста. И решил он тогда в честь Святой Троицы ежесуточно по ночам после повечерия раз медленно и вдумчиво воспевать молитву Господню. И вот однажды, молясь таким образом, он задумался, как пребывающие в [небесном] отечестве наслаждаются божественным видением и что они делают при этом? Тогда внезапно, будучи восхищен свыше самого себя и войдя в исступление, он запел громким голосом: «Kyrie eleison!» (Господи, помилуй) Услышав это, братия сбежались ко святому мужу, и не смог в тот миг святой муж ни слова им промолвить. Но после этого, открыв глаза, он увидел, что келлия его светится, как раскалённая добела печь, а в ней – сияние неопишное, в котором он увидел Христа, распятого на кресте, и, сострадая духом, был прикован взором к Нему, доколе сие священное явление не прекратилось.

[43] И хотя святой муж всячески старался избегать соблазнов для других, но сеятель плевел, завидуя его святости, не переставал возбуждать в епископе Теанском несправедливую [неприязнь] к нему. Например, к святому мужу приезжали почитавшие его соотечественники (не только из ближайших краёв, но и обитавшие далеко), принося пожертвования [в знак раскаяния] за свои проступки, зная, что

человек Божий потратит их либо на благо нищих, стекавшихся за этим к нему отовсюду; либо на строительство приютов, в которых он давал отдых измождённым беднякам; либо на [возведение] монастырей, в которых благоговейные сонмы иноков приносила Богу жертву [хвалы]. Епископ, полагая, что у него было много денег от пожертвований, велел его вызвать и привести, чтобы он [представил] отчёт за огромный промежуток времени (то есть со времён Венского собора (1311-1312 гг. – прим. пер.)), потребовав выдачи себе канонической доли и заявив, что Роберт был душеприказчиком многих завещаний, тогда как на самом деле он никогда ничем таким не занимался.

[44] Благоговейный муж немедленно раздавал приношения, как выше упоминалось, не получая и не давая никаких расписок ни о получении пожертвований, ни о расходе, однако (не по требованию совести, а из почтения к пастырскому сану), желая избежать неприятностей, продал [драгоценную литургическую] чашу, чтобы умирить любостяжание [иерарха], чинившего против него разного рода бешеные нападки, и договориться с ним. И не довольствовался епископ этим, но стал везде, где только мог (хотя и не должен был), многими способами досаждать святому мужу словом и делом, тем более что его возбуждали против него негодные клирики, потому что им казалось, будто он присваивал причитающуюся ему [долю] приношений. Сметнув, в чём дело это, святой муж, желая дать место гневу (ср. Рим. 13:19), удалился оттуда, сиречь из обители Св. Креста, и направился в им же построенную обитель Св. Марии Ламской, намереваясь побыть там.

[45] Но хотя [епископ] и был отделён от святого большими расстояниями, тем не менее по врожденной злобе не мог отделаться от мыслей о нём. И вот он получил приказ от верховного понтифика, владыки папы Иоанна выступить – после предварительного увещевания – против фратичелли, что и сделал в присутствии монашествующих и клириков, [но затем, воспользовавшись] этим поводом, чтобы досадить далёко находившемуся брату Роберту, он распорядился его вызвать и привести. Тот же получил повеление, когда был болен и немощен, и послал своего сотоварища с извинениями. А поступил он так, скорее всего, в предположении, что его присутствие будет [епископу] неприятно. Поскольку же он не явился, [епископ], злоупотребив полномочиями, полученными от Папы, объявил ему отлучение от Церкви.

[46] Услыхав о том, святой муж восскорбел до глубины души, как потому, что глубоко чтит церковную власть вязать и решить, так и потому, что тогда шла Четыредесятница, а ему пришлось ослабить своё обычное молчаливость. Взяв с собою некоего почтенного мужа из своего ордена, он направился к епископу умолять об отмене отлучения. Когда епископ увидел его, то вместо того, чтобы заговорить с ним, как принято, отеческим голосом, дерзко набросился на него, говоря: «Ты лицемер и притворщик! Как смеешь ты обеднять моих клириков?! Что ты такое творишь со своими уловками? На что ты расточил подаяния, предназначенные для других?!» Смирнейше отклонив эти и многие другие [обвинения], которые совершенно не подобало ни произносить, ни выслушивать, святой муж, сохраняя почтительное выражение лица и душевное смирение, отвечал с голубиной кротостью в голосе, молвив: «Отче, ты прав. За грехи мои я заслужил и заслуживаю услышать сие и многое другое». И, поклонившись епископу, просил

отменить отлучение и, обещав исправиться, с величайшей настойчивостью просил епитимии.

[47] Каковую с благоговением приняв, он вернулся в свою обитель. А когда стоял на молитве, явились ему отцы его, дело коих он продолжал и по стопам коих следовал: блаженный Бенедикт и блаженный Петр-исповедник, а вышеупомянутый епископ сидел при этом меж них. Тогда блаженный Бенедикт с возмущением на лице сказал епископу: «Что ты воду мутишь?! Что покой ученика нашего и близкого друга нарушаешь бесправно?! По что громозишь беззакония и наваливаешь злодеяния поверх злодеяний?!» А блаженный Пётр отвесил тому же епископу крепкую зуботычину – и так трижды, заноса каждый раз пять раз руку над лицом и говоря: «Да уж, в этом он горазд!» И вот что удивительно: на следующее утро в том месте, по которому блаженный нанёс удар, лицо епископа до самого уха так свело и перекосило, что он являл собой зримый образ суда Божия, устрашая и ужасая всех, кто видел сие.

[48] Как-то раз, когда вышеупомянутый муж пребывал в келлии отца своего (*т.е. св. Петра-Целестина. – прим. пер.*), стойко творя покаяние, услышал один беднячок, что святой муж щедро помогает бедным и при всякой возможности уделяет милостыню. Когда после обручения дочери [оказалось, что], будучи ограничен скудостью семейного имущества, он не может дать за ней приданое, пошёл он к благому мужу и, [описав] глубину своей нищеты, смиренно просил подать, если Богу то угодно, один флорин, чтобы можно выдать замуж дочь. В ответ на сие святой муж кротко молвил: «Честно скажу, пока у меня ничего нет, но зайди к мне ещё разок на восьмой день, и я подам тебе в милостыню, сколько Господь пошлёт». И что же произошло за это время? Роберт предался молитве, помышляя меж тем о милостыне для бедняка, и вдруг через час свершилось чудо: он обнаружил подле себя новёхонький флорин – как раз один. И когда бедняк пришёл, святой дал ему деньги, в которых он нуждался.

[49] Благочестивый муж умел чрезвычайно рассудительно распределять своё время между занятиями: иногда он предавался молчанию, усердно молясь и постясь; иногда ездил верхом по обителям, которые построил, потому что требовалось навестить иноков, которых он там собрал во множестве; и вот так, то собой занимаясь, то ближними, не имел досужего времени.

Усердных он увещевал примером и словом, а строгость больше проявлял, исправляя нерадивых, и поэтому в увещевании оказывался мягок, а при исправлении суров. И внимательно рассматривал лик вверенной ему паствы, ибо если наставник иногда назначал наказание, которого ученик не мог принять как должное (поскольку дух злобы наущал его воспротивиться оному), милостивый отец, сострадая [чаду], которого не мог образумить тростью страха, старался удержать посохом любви, чтобы он не сломался, а потому, склоняясь пред ним, говорил: «Брате, потерпи. Я не преуспел, но тебя прошу: наберись мужества и благоразумнее поступай».

И так проникся он любовью к душам, искупленным кровью Христовой, что, как мать оплакивает единственное чадо умершее, так и сей благой муж всякий раз, когда видел, как кто-нибудь упадает в пропасть пороков, проливал слезы.

Итак, да узрит весь мир благочинную брань славного воина, при коей, приходя от силы в силу (*ср. Пс. 83:8*), он настойчиво поспешал к пальме первенства. Да

возрадуется и постарается следовать за мужем благим, который, победив своего внутреннего врага и укрепившись духом, простёр руку свою вовне, стремясь поделиться полученным светом со всем миром. Да узнает в нём благодать Божию, подтверждённую знамениями, ограждаемую чудотворениями, ибо [Господь] простер над ним руку милости, подавая просимое, о чём явственно свидетельствуют описанные ниже чудеса.

[50] Когда святой муж пребывал в Кастель-Морроне, некто по имени Роберто де Гвальтери настолько взбесился и взбеленился, что родственники держали его в цепях, дабы он не причинил вреда себе и другим. К нему-то по просьбе родителей и пришёл святой муж. Болящий же, как только увидел человека Божия, ударил его в челюсть, а тот, терпеливо снеся это, раскрыл над больным книгу и, излив молитвы ко Господу, осенил его крестным знамением. Когда сие было сделано, человек тот немедленно задремал и уснул, а проснувшись, оказался здоров.

[51] Некая женщина по имени Мария подтвердила под присягой, что в детстве, когда она спала под боком у матери своей Джованны, та придавила её так, что у неё отнялась целиком правая сторона вместе с рукой. И вот, в течение двенадцати лет она маялась этим членом, потому что толку от него не было никакого. А когда святой муж пребывал в келлии святого Петра Морронского, она пришла к нему, поклонилась смиренно, и с величайшим настоянием просила о молитвенном заступничестве. Проникнувшись состраданием, святой муж принёс Богу жертву мессы, и она тотчас же обрела всестороннее исцеление.

[52] Спустя некоторое время один человек привёл к святому мужу своего племянника – юношу по имени Роберто, сына Гуильермо, судьи Морронского, от колыбели страдавшего грыжей в правом боку. Когда святой собственной рукою осенил его знамением святого креста, юноша тотчас же в присутствии многих очевидцев выздоровел.

Некую девицу по имени Маргарита, дочь Оливьеро, так поразил суд Божий, что, пролежав скрюченной в постели десять лет, она не только не могла ни встать, ни сесть, ни выпрямиться, но, хуже того, без помощника не могла ни двинуться, ни повернуться с боку на бок. Отец принёс её к досточтимому мужу, проживавшему тогда в майелльском монастыре св. Петра, расположенном в окрестности вышеупомянутого городка, и вверил её святому. Тот же, встав с молитвы, осенил её знамением святого креста и сказал: «Она будет доченькой Божией». Когда её принесли домой, она тотчас же вскочила и, ко всеобщему удивлению, стала ходить, как здоровая, и руки у неё работали без человеческой помощи.

[53] Когда святой муж пребывал в обители Кампобассо, некий муж по имени Рикардо, сын нотариуса Бартоломео де Молизи, так тяжело хворал, что не мог ни дышать, ни говорить, а перепробовав все врачебные средства, стал совершенно неизлечимым. Отцу его и друзьям оставалось со дня на день ожидать его кончины. Тогда отец встал и поспешил к человеку Божии. И, пролив пред ним слёзы по сыну, он настойчиво просил молить Бога за него. Сжалившись над ним, человек Божий простёрся с молитвою пред алтарём, а окончив молитву, встал, перекрестил болящего некой книгой и, коснувшись его горла рукой, снова перекрестил его. А он на глазах множества присутствовавших тотчас же выздоровел.

[54] Некая женщина по имени Джибурга из Кампобассо в течение девяти месяцев лежала скрюченная в постели и была так обездвижена, что своими силами без посторонней помощи не могла и с боку на бок перевернуться. Попросила она, чтобы её доставили к человеку Божию, и молвила ему: «Человече Божий, смилуйся надо мною и моли Господа за меня!» А он, излив молитву к Богу и рукою своею всю её осенив крестным знамением, молвил ей: «Дерзай, дочь (*Мф. 9:22*), ибо ты освобождаешься от недуга твоего (*Лк. 13:12*)!» Доставили её домой, а через два дня она полностью выздоровела, ходя и скача и хваля Бога (*Деян. 3:8*). Когда об этом известили святого мужа, он сказал отцу [женщины]: «Вели дочери, чтобы на угоду Богу начала поститься по средам и пятницам во славу Его».

[55] Юноша некий по имени Джованни, сын некоего [мужа] по имени Никколо, долгое время хворал, невыносимо мучаясь от камней в почках. Отец, взяв его с собой, с великим благоговением представил человеку Божию и, проливая многие слёзы о сыне, изо всех сил просил его молитв за него. Брат Роберт, сжалившись над больным и отцом его, тотчас же простёрся в молитве, а встав от молитвы, молвил ему: «Бодрее, сынок, ибо излечила тебя благодать Божия!» После ж того, как Джованни вернулся домой, через два дня у него вышел камень, и с тех пор он, полностью выздоровев, не чувствовал никакой [боли].

[56] Некий мужчина по имени Гвильельмо Бордони шесть месяцев пролежал в постели, причём так высох и скрючился, что совсем не мог ни пошевелиться, ни распрямить скрюченные ноги. И попросил он человека Божия через посредника, чтобы тот самолично навестил его. А человек Божий, движимый жалостью, пришёл к страдальцу домой и сказал больному: «Ободришь, сынок, и обратишься к Господу, ибо исцелён будешь». И, произнеся молитву, святой муж осенил Гвильельмо знамением святого креста, и тот немедленно выпрямил ноги свои и пошёл, славя Бога и величая святого мужа.

У некоего человека по имени Гвильельмо де Пратателли была дочь по имени Мабилия, у которой под подбородком и на горле была золотушная опухоль с куриное яйцо размером, причём с самого рождения. Когда Гвильельмо принёс дочь к брату Роберту (от тогда был ещё жив), а тот осенил это место крестным знамением, чудовищная опухоль тотчас же исчезла.

[57] В то время, когда человек Божий влачил убогое земное существование с десятью братьями в обители св. Петра, что в Кампобассо, предписал он для нужд братии наполнить некий бочонок вином, а сразу после сбора винограда, проделав в середине бочонка выпускное отверстие, стал умеренно из него попивать вместе с братией, жившей с ним вместе жизнью небесной, а также вместе с мирскими.

И вот ближе к празднику св. Луции вино закончилось и больше не вытекало. Братия же, полагая, что отверстие забилось, пытались чем-нибудь острым прочистить его, хотя ничего там не забилось, а просто вино закончилось. Выяснив, наконец, суть дела, они тотчас же побежали к мужу святому, чтобы сообщить ему об этом. Святой муж явился осмотреть бочонок и, осенив его крестным знамением, удалился. И сразу же потекло оттуда вино, и оказалось его столько, что половины упомянутого бочонка хватило и для жившей там братии, и для приходящих, и для множества мирян, заходивших туда до упомянутой середины пути. А ведь если принять во

внимание, что братия и множества приходящих мирян пили из него непрерывно в течение трёх месяцев, то по естественному порядку вещей и целого бочонка едва ли хватило бы.

[58] Некий человек из Монтаньо по имени Луиджи с рождения страдал заметной грыжей в правом боку и, дожив до зрелых лет, совершенно не мог ходить без поясной повязки. Когда же святой муж, всё ещё продолжая свой земной путь, остановился в Лимозано, архипресвитер этого городка, вняв голосу разума, привёл упомянутого Луиджи к человеку Божию. Выслушав просьбу о больном, человек Божий возвёл взор к Могучему, существу на небесах, и, когда человек тот был осенён знаменiem святого креста, тотчас же совершенно исцелился.

Некий муж, инок его ордена, по имени Стефан, страдал от грыжи в правом боку, настолько тяжёлой, что едва мог ходить без повязки. Итак, подойдя к святому мужу, находившемуся тогда в обители Св. Марии Ламской, он смиренно просил его искренне помолиться Богу о его исцелении от недуга. И, исповедав все свои грехи и получив отпущение вкупе с благословением, он тотчас же выздоровел.

[59] Когда же боголюбивый муж, исчерпав свои телесные силы, подорванные жесточайшим усмирением плоти (которого он твёрдо придерживался от начала до самого конца), устремился в дряхлом возрасте к победной награде, то угодно было ему, прежде чем предать свой дух существу на небесах Всевышнему, воспослать вперёд себя сладостные благословения Ему.

Ибо случилось так, что он совсем расхворался, отчего ему самому и всем другим казалось, что [болезнь] сия закончится смертью. Поэтому он сказал находящимся при нём братиям: «Пусть двое из вас охраняют меня в эту ночь, а остальные отдыхают в своих келлиях». После чего боголюбивый муж начал сосредоточенно повторять про себя все истины веры и изречения Священного Писания, а также суждения святых Учителей, наставляющих в католической вере и укрепляющих её; и в таковых размышлениях провёл время до глубочайшей ночи.

[60] После этого, когда он захотел немного отдохнуть, внезапно явился диавол ему в облике чудовищного ежа и, наскакивая на него с оскаленной пастью, грозил растерзать. Но святой муж, плюнув на него, молвил: «Прочь отсюда, тварь злобная; ибо ты не найдешь во мне ничего нечистого!» И он отступил посрамлённый.

Но тотчас же вновь явился в образе чёрнящей безрогой коровы, которая, нападая на него, пыталась его ранить. Тогда брат Роберт ему: «Прочь отсюда! Прокляни тебя Бог!» Она подступила ближе, и закричал святой громче: «Прокляни тебя Бог!» А она, приближаясь, всё настойчивее пыталась наскочить на него. Тогда в третий раз Роберт вскричал весьма громким голосом: «Прокляни тебя Бог Отец!» Братия, отягчённые крепким сном, пробудились от его крика и стали спрашивать, что с ним.

[61] Рассказав им об увиденном, он молвил: «Поверните лицо мое к вам, и помолимся, братие, воспев Господу литургию Часов». И сам воспел с ними. По завершении службы они читали покаянные псалмы с литанией (*скорее всего, «К святым».* – прим. пер.), а когда дошли до места: «Те rogatus, audi nos (Тебя просим, услышь нас!)», он словно бы вошёл в исступление, и над ним вдруг появился крест, сиявший ярче солнца, так что свет от него совершенно ослеплял человеческое

зрение. Притом крест был чрезвычайно велик: примерно семь локтей в длину, а под поперечиной его справа явились двенадцать человек, сиявших так ярко, что лиц их невозможно было рассмотреть, и слева явились двенадцать такого же сияния, а позади стояло ещё сорок с одной стороны и сорок с другой, но не так мощно сиявшие. Сие видение его продлилось всё время, пока братия не завершила литании обычными молитвами. И по завершении оных он, придя в себя, ещё наблюдал телесными очами упомянутое видение столько времени, сколько уходит на чтение Отче наш. Тогда вдруг крест и мужи, явленные под ним, у него на глазах вознеслись на небо, и тотчас всякая немощь оставила его. Ну а боголюбивый муж, встав в полном здравии, поспешил возблагодарить Всевышнего как за видение, и за исцеление.

ГЛАВА V

[62] По прошествии краткого времени после вышеупомянутой болезни, в июле года Господня 1341-го, индикта девятого, на 69-м году своей жизни, в понтификат владыки Бенедикта XII, папы, святой муж, уже измученный старостью и утомлённый подвигом, так истончился и отощал, что плоть растворилась, а осталась от него кожа да кости. Настолько худ он стал, что жизненный дух, казалось, едва теплился в его впалой груди. И хотя телом он был так ослаблен и истощён, однако, пламенея духом, неизменно стоял препоясанный супротив врага. А испросив и приняв все таинства Святой Римской Церкви, в оный последний час, когда враг ещё мог лютовать, он захотел взять щит веры, которым возможно угасить все раскаленные стрелы лукавого (*ср. Еф. 6:16*), взяв шлем спасения (*ср. Ис. 59:17, Еф. 6:17*).

[63] Так вот в четвертый день перед тем, как предать свой дух Богу, он приказал позвать к себе всю братию, а когда они стали вокруг, велел приподнять себя на своей убогонькой постели, причём один из братии стал позади него и поддерживал, чтоб не упал. Он же, возведя взор к небу, с весёлым лицом и безмятежным выражением возвеличил Всевышнего и живым голосом, обливаясь слезами, начал чрезвычайно внимательно читать Апостольский символ, выделяя части и говоря: «Этот кусочек сказал Пётр, этот Павел, этот Иоанн...», указывая, что принадлежит каждому из апостолов. А после этого он перечислил десять заповедей Закона и семь священных Таинств Церкви и добавил: «Верую и [всегда] веровал; держусь и держался, исповедую и исповедовал ту самую святую веру, которой учил Христос, и как апостолы проповедовали и чего держались, и чего держится и чему учит Святая Римская Церковь Божия, в которой ныне предстательствует владыка Бенедикт XII, Папа». И, сказав это, прибавил: «Предаю дух мой Богу, и Пресвятой Марии, и святому Иоанну Крестителю, и настоятельно прошу его преподобие аббата нашего и всю братию молить Бога о мне».

[64] А после сих слов смерть подступила к отцу в присутствии чад, ибо измождён он был подвигом и старостью, однако, возвысив из последних сил голос, святой муж продолжал речь, давая наставление о святом послушании, соблюдении устава, неусыпном охранении целомудрия и любви к бедности. С безмятежным лицом и устремлённым к небесам взором он благословил всех присутствующих и

отсутствующих братьев, осенив их крестным знаменем и сказав: «Да благословит вас всемогущий Бог Отец и Сын и Святой Дух!»

Святой муж человек издавна молился о смерти на кресте, ведь, сделав в начале своего подвига небольшой деревянный крест, он носил его на груди, дабы всегда помышлять о казни крестной вместе с Христом; а ещё, прижав крест, чрезвычайно часто подвешивался на кресте во имя Распятого. Поэтому, достигнув, наконец, завершения поприща, он раскинул на постели крестообразно руки, и в присутствии братии, воспевавшей за него псалмы ко Господу, святейшая душа его, покинув темницу плоти, благополучно преставилась ко Христу, Коего всегда любила, в 18-й день того же месяца около девятого часа дня.

[65] О воистину блажен ты, муж, что, начавши с креста, крестом подвизаясь, окончил путь, наконец, на кресте! О душа счастливая, и кто ж не признает тебя блаженною, коли ты, Иоанну подобно, от часа призвания своего в течение всей жизни хранила лилейную чистоту плоти, с каковой и преставилась ко Христу; и, подобно Стефану, сострадая Христу, претерпевала добровольное мученичество телесное; и, подобно Павлу, чад породила Христу, и, собрав немалое стадо Господу, как добрый страж, охраняла его в овчарне Господней убеждениями, уговорами, наказаниями!

О подлинно счастливейший муж, увенчанный тройным нимбом, что ни тяготами усмирения плоти не сломленный, ни ради любви ко Христовым страстям смерти не претерпев, ты так счастливо завершил свою земную жизнь! Но, будучи многократными ударами покаянного молота отёсан, ты, подлинно камень, рукою вечного Зодчего дивным образом помещён в стене небесного Иерусалима. И благоволя достохвальному его житию (ибо хвала есть награда за добродетель), Бог Всемогущий изволил при жизни его и после оной проявить благоволение Своё во многочисленных знамениях и чудесах, несколько из которых описаны ниже, ради [того, чтобы пробудить в читающих] благоговение и [подать им] пример.

[66] Прежде чем останки вышеназванного святого были преданы погребению [, случилось следующее]. У некоей женщины по имени Альдоизия из Кастель-Морроне в течение двух лет тело было парализовано с одной стороны, да так, что она вообще не могла ходить. Однако она попросила, чтобы её принесли к [ещё не] погребённому телу святого мужа, и, прикоснувшись к нему с благоговением и облобызав его, она тотчас же наисовершеннейше исцелилась.

Некий человек, по имени Бартоломео из Лимозано, месяцев шесть мучился нестерпимыми болями в паху и, придя с надеждою на исцеление к гробнице вышеупомянутого святого, как только прикоснулся к оной гробнице, выздоровел.

А некий архипресвитер по имени де Чиракола, тоже страдавший от болей в паху, пойдя на богомолье к гробнице святого, вверил себя Богу и блаженному Роберту-исповеднику. Как только он прикоснулся к гробнице, выздоровел. А что сие было именно так, он подтвердил с присягой на Святом Евангелии.

[67] Некая девушка по имени Мария, родом из местечка под названием Санта-Мария-де-Страда, всё время заметно хромала на левую ногу. Её отец Джованни повёл её на богомолье к гробнице святого мужа, и как только она прикоснулась к ней, совершенно выздоровела.

У некоей женщины по имени Гульяда правая рука была так скрючена, что она не могла ею ничего делать, и так в течение целого года. Итак, пойдя к гробнице святого и прикоснувшись к ней, она по заступничеству его чудесным образом исцелилась.

Некий брат его ордена по имени Вильгельм де Линчи из Лимозано более одиннадцати месяцев страдал от грыжи в правом боку и мучился из-за неё нестерпимыми болями. Пришёл сей брат к вышеупомянутому брату Роберту, когда тот ещё был жив, и смиренно просил его вознести молитвы к Богу, дабы Он смилостивился над ним. В ответ на это святой муж ему молвил: «Сыне дражайший, терпи и хвали за это Бога; а себе раздобудь широкие штаны, чтобы легче было выносить боль, ибо близок Бог, что уделит тебе благодать исцеления». Брат Вильгельм, получив совет, поступил согласно предписаниям человека Божия и, исполняя их, хвалил имя Господня. Между тем, по прошествии краткого времени святой муж преставился от мира сего. Когда, услышав о смерти отца, отовсюду стали собираться братия, с ними вместе на похороны святого мужа пришёл и брат Вильгельм, который, преклонив колени и со слезами облобызав руки вышеназванного святого, тотчас же исцелел от той немощи.

[68] Некий юноша из Кастель-Морроне, Джованни именем, в течение одиннадцати лет страдал от грыжи в правом боку, и врачи, применяя множества средств, никак не могли его излечить. Но, поразмыслив о чудесах и заслугах святого мужа, он благоговейно пошёл ко гробнице его и, облобызав оную да сотворив молитву, сразу же совершенно излечился.

Некий священник по имени Иоанн Английский в течение полутора лет мучился от какой-то опухоли около бедра, которая и не рассасывалась, и не собиралась выгнить. Тогда он вверил себя Богу и дал обет блаженному Петру-исповеднику, и едва он, добравшись до гробницы блаженного Роберта, исполнил обет свой пред Богом, придя и прикоснувшись к гробнице, так и исцелился полностью.

[69] Некая женщина, по имени Мария, дочь Никколо Деодати из Кастель-Морроне, в течение многих лет страдала от летучего огня на руке. И хотя она много лечилась, однако никто из врачей не смог исцелить её; хуже того, по их мнению, она была окончательно неизлечима. А она пошла на богомолье к гробнице святого и, прикоснувшись к гробнице, сразу же от болезни излечилась.

Другая женщина из того же городка, Троэта именем, в течение пяти лет была отягощена такой тяжелой и мучительной болезнью, что во время приступов боли непрерывно лаяла и выла по-собачьи, и столь глубокое её томило отвращение, что не желала видеть никого из людей, и мышцы её ослабли, чуть ли не как у парализованной, и дрожь проникала все члены её. Когда же она пришла почтить гробницу блаженного Роберта, то едва прикоснулась к оной, выздоровела.

[70] Некий муж по имени Рикардо, служивший диаконом, подтвердил под присягой, что аж пять лет тяжко страдал от летучего огня на ноге. И, испробовав все известные и доступные лекарства, он так и не смог исцелиться. Однако, вверив себя Богу и блаженному Роберту, он пришёл почтить гробницу его и сразу же через несколько дней совершенно исцелился.

У некоей женщины из Мирабеллы так сильно болела правая рука, что она не могла поднести её ни к голове, ни ко рту. Промучившись три месяца, она дала обет Богу и блаженному Роберту. После обета она сразу же исцелилась, а что сие воистину так было, подтвердила под присягой.

<...>

[77] Некая женщина по имени Илария двадцать лет страдала от беса, и нередко доходило до того, что, стараясь предать её смерти, он хватал её и бросал в огонь или воду, и весьма часто пытался умертвить её, склоня повеситься. Кроме того, когда родственники не удерживали её, она бродила по лесам и равнинам и выла, как собака. И отвели её родственники в обитель, где была гробница святого, и едва она прикоснулась к ней, одержимость прошла.

Некоего мужу по имени Лодовико, из Города, поразил во сне жуткий страх или, как говорят в народе, помрачение, а пробудившись от сна, он обнаружил, что его правая рука вместе с кистью целиком высохла и сморщилась, да так, что он не мог ни ко рту её поднести, ни к голове поднять, и вообще не мог ею орудовать. Так он промучился месяца три. А слышав между тем уже несколько раз об упомянутых выше милостях и чудесах святого мужа, он дал обет посетить гробницу его, а день кончины его всякий раз отмечать постом на одном хлебе и воде. И когда он отправился в путь, намереваясь исполнить свой обет, сразу же исцелился.

[78] Когда некий муж из Ассизи, Франческо именем, ехал однажды верхом, жуткая боль пронзила ему детородные члены, и, возвратившись домой, он подумал, что не переживёт того дня, ибо не мог ни стоять, ни лежать, а катался туда-сюда по земле. Однако, вспомнив о слышанных им чудесах святого, он дал обет, что посетит гробницу брата Роберта, если тот пособит ему выздороветь. Как только он исполнил свой обет, прикоснувшись к гробнице, то обрёл полнейшее исцеление.

Некий муж по имени Никколо Угони из Кобакты целый год страдал от нарыва на руке, от которого не мог избавиться никакими лекарствами. Дав же обет посетить гробницу святого, придя и прикоснувшись к оной, он тотчас же снискал выздоровление.

[79] Некий младенец Никколо, сын Никколо из Лимозано, с рождения имел грыжу. Однако мать его, питавшая почтение к святому, дала обет ему, и на следующую ночь, когда она заснула, ей в видении предстал блаженный Роберт и ласково пообещал, что младенец исцелится. Когда ж она проснулась, благодаря Бога и святого, то обнаружила, что мальчик совершенно исцелел.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW